

Иван КОСТИН

Иван Алексеевич КОСТИН родился в 1931 году в Заонежье. Работал токарем, журналистом, литературным консультантом Союза писателей Карельской АССР. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

ЗАВЕТ ПОЭТА

“Россия, Русь! Храни себя, храни!” Строка эта из одного стихотворения Николая Рубцова стала его не только исповедальным чувством, но и поэтическим завещанием всем живущим, которые должны, любя свою землю и свой народ, хранить и беречь наше великое наследие, лучшие традиции национального духа и характера. Николай Рубцов был очень русским человеком и своим творчеством сумел прикоснуться к самым глубинным истокам народного слова. Однако я не собираюсь делать очерк его творчества или анализировать какие-то стороны его поэтических особенностей. Это — скромные мои заметки о встречах с Николаем Рубцовым, с которым я в один и те же годы, хотя на разных курсах, учился в Литературном институте имени А.М.Горького. Институт наш в то время (да, думаю, и теперь тоже) являлся самым маленьким, самым “домашним” в тогда еще огромной стране, и естественно, что мы все хорошо знали друг друга.

Сразу же оговорюсь, что близким другом или даже хорошим товарищем Николая Рубцова, имя которого сегодня очень многое значит для всех, кто любит русское поэтическое слово, я не был. Мы — просто добрые знакомые, но воспоминаний достаточно, чтобы написать эти заметки, и поскольку встречи были случайными и неожиданными, то и воспоминания мои носят до некоторой степени бессистемный характер без какой-либо строгой последовательности. Встречались мы то в коридорах учебного корпуса Литературного института на Тверском бульваре в доме Герцена, то в общежитии института на улице Добролюбова, где на последнем седьмом этаже размещаются и Высшие литературные курсы. Там и сегодня шумит и витийствует литературная поросль...

Николай Рубцов приехал в Литинститут

из Ленинграда двумя годами позже меня. И уже по этой причине сблизиться мы не могли. Занимались в разных семинарах и слушали лекции в различных аудиториях. Свою первую встречу с ним я даже не могу припомнить, потому что скорее всего она ограничилась чисто формальным знакомством. А вот в узком кругу меня с ним познакомил Василий Белов, с которым мы не только вместе поступали в институт, но какое-то время даже жили в одной комнате, будучи абитуриентами. Помню, удивились схожести биографий: одногодки, оба деревенские, приехали в институт с комсомольской работы, оба доучивались в вечерней школе (как, впрочем, и Рубцов). И что самое поразительное (все еще о Белове): одним и тем же способом добывали повторные “метрики” (свидетельства о рождении) в своих районных архивах, за которыми нужно было совершить путь из своих деревень — ему за 80, а мне за 60 верст. Оба радовались, что прошли более чем впечатляющий конкурс — 25 человек на место. Василий Белов, тоже как и я, поступал со стихами. Но те его стихи на меня никакого впечатления не произвели. Да оно и понятно, каждый из нас считал себя исключительным талантом и, что касалось творчества, занят был лишь собой.

Не произвели сначала на меня, как и на большинство из нас, впечатления и стихи Рубцова. Скорее всего, это объяснялось тем, что в те годы над нашими умами властвовала эстрадная поэзия, а эксцентрические выплески (не без яркого таланта) Евшуенко и смелые формалистические новаторства Вознесенского на какое-то время как бы застлывали таланты ровного света и душевной теплоты. И словно в противовес эстрадной поэзии возникла школа “тихой лирики” и тема “малой родины”. В определенном смысле это было инициировано критикой, но далеко не

на пустом месте. Негласно главой школы "тихой лирики" признан Владимир Соколов, возле которого сгруппировались такие одаренные поэты, как Станислав Куняев, Игорь Шкляревский, Анатолий Передреев, Борис Примеров и, конечно, не в последнюю очередь Николай Рубцов. Внешне он ничем не выделялся. И если исключить некоторые его хмельные выходы (а они были чуть ли не у каждого второго из нас), то это был стеснительный, скромный парень. Но в этом его стеснительно-сосредоточенном поведении просматривалось и нечто другое, когда человек знает цену своему дарованию. А он ее знал. Небольшого роста, щупленький, чаще молчавший на людях, мне он поначалу казался замкнутым и излишне отрешенным от окружающего.

Эти качества, конечно, в нем присутствовали всегда, но не только они определяли его характер, человеческую натуру, которая была сложней всяких определений. Мы жили на разных этажах — я на четвертом, а он с ленинградским поэтом Сергеем Макаровым во втором. Чаще всего наши встречи кончались взаимным приветствием. Это уж потом, когда я перешел на заочное отделение, а Николай еще продолжал учиться на третьем очного и популярность его росла не только в студенческих кругах, его редко можно было встретить в одиночестве. Его окружали как хорошие приятели, так и случайные прилипалы, от которых ему иногда становилось трудно отделаться, чтобы обрести заветное уединение. И в то же время нельзя сказать, чтобы он допускал к себе людей без разбора. Может быть, на время, пока не убеждался в их душевной пустоте. На этот счет у него имелись свои внутренние критерии: он не терпел фальши в людях, самолюбования. И если человек ему не нравился, он давал это ему понять недвусмысленно, причем нередко прямо и нелестно.

Но первую популярность Николай завоевал все же среди своего студенческого окружения исполнением песен-экспромтов, сочиненных им как бы в шутку, но с явным вызовом официальной поэзии. И опять-таки эти стихи нами серьезно не воспринимались. Хотя сегодня на фоне полководя так называемого "андеграунда" эти рубцовские стихи кажутся классикой, в них нет словесных причуд и замысловатых поворотов мыслей. И как мне кажется, сам Николай особого значения этим стихам не придавал. Но талант сказывался и в этих незамысловатых экспромтах-песенках, потому что под пером высокоодаренного человека даже "легкомысленные" стихи могут становиться настоящими маленькими шедеврами. Разве, к примеру, Пушкин и Лермонтов думали о бессмертии тех альбомных строк, которые записывали по просьбе светских барышень?

Однажды я заглянул в комнату Николая на звук гармошки, выводившей сельские мотивы. А потом он вдруг перешел на свои стихи, может быть, из желания продемонстрировать свежему слушателю эти вот строки, ставшие впоследствии широко известными:

Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому — не слышать.
В коммунизм, в заоблачный зенит
Полетели мысли отдохнуть.

Стихотворение это под названием "Элегия" впервые опубликовано в сборнике Николая Рубцова в 1977 году — в нем "подредатирована" первая строфа: "Стукну по карману — не звенит. Стукну по другому — не слышать. В тихий свой таинственный зенит полетели мысли отдохнуть". Согласитесь, это слабее, расплывчатее по мысли.

И вот еще об одном экспромте. Но перед тем как его услышать, произойдет такой для меня памятный эпизод. Центральный Дом литераторов. Без писательского билета туда входа нет. Но мы тем или иным путем умудряемся просочиться. Наше место в буфете. Здесь кипит жизнь. За столиками идет обмен мнениями, встречи, восклицания, полезные и бесполезные знакомства... Стоим в очереди, наблюдаем и рассматриваем классиков не на трибуне, а за буфетной стойкой. Классики тоже живые люди. Кому захотелось пропустить 100 граммчиков коньячку под бутерброд с черной икрой, кому выпить чашку кофе. Николая в ЦДЛ долго не пускали ни под каким предлогом. До этого он там устроил скандал, защищая честь Есенина перед каким-то ретивым хранителем соцреализма. Потом его взяла под покровительство уже известная в те годы поэтесса Лариса Васильева, и проникать в это святилище литературных умов и талантов ему стало легче. А тогда стояли в очереди, разделенные двумя-тремя поколениями. Я подумал, хорошо бы оказаться с ним за одним столиком. Вокруг сплошь незнакомые лица. Коля был трезв, спокоен и внутренне сосредоточен. Вдруг в голове очереди возник шум. Подвыпивший посетитель потребовал, чтобы его пропустили без очереди. Свое требование перед оторопевшей публикой, где, вероятно, каждый третий был человеком с именем, он подкреплял неоднократным возгласом: "А вы знаете, кто я?!" Тут Николай не выдержал и шаг оказался перед наглецом, выше его на целую голову, имевшего к тому же квадратные плечи, напоминавшие холодильник, что стоял за спиной буфетчицы. И Рубцов с вызовом спросил верзилу:

— Так что ты написал? Может, второго "Пророка" или "Демона"?

Николай Рубцов. 1968 год.

От неожиданности наглец сник. Увидев, что очередь явно не на его стороне, молча ретировался.

Отстояв в буфете свое, я стал искать глазами свободное место и, к счастью, обнаружил, что Николай (столики были на три человека) сидит с незнакомым мне парнем-крепышом. Я попросил разрешения приземлиться и не спешил вмешиваться в их разговор. Судя по тому, как собеседник обращался к Рубцову: “А ты помнишь, Коля?”, или: “Давай махнем туда на выходные”, — я понял, что это хороший его товарищ. Так оно и оказалось. Николай познакомил меня: “Поэт Коля Анциферов”. От неожиданности я даже вздрогнул. Только что в журнале “Москва” опубликована подборка стихов “Молодые поэты России”, открывавшаяся моими стихами. И, как я узнал, готовил ее именно Николай Анциферов, заведующий отделом поэзии этого журнала, вчерашний выпускник нашего института. Мое стихотворение “Крановщица” было почему-то малость подсокращено. Я по молодости больно это переживал и не преминул случаем посетовать Анциферову: дескать, что за необходимость заставила его это сделать? Но предварительно, конечно, поблагодарил его за публикацию и за красное место в журнале. Рубцов попросил меня прочесть полный вариант этого стихотворения. Я с охотой это сделал. Он помолчал, подумал и сказал: “Гениальным не назовешь, но можно было бы и не сокращать”. Так я познакомился с еще одним тогда славным поэтом-шахтером, строчки которого “Я работаю как вельможа, я работаю только лежа” были тогда у многих на устах. К нашему огорчению,

он рано ушел из жизни. Мы подняли стаканы с вином, и Рубцов произнес свой, теперь уже широко известный экспромт, который тоже опубликован в той же книжке, о которой я уже упоминал:

Мое слово верное
Прозвенит!
Буду я, наверное,
Знаменит.
Мне поставят памятник
На селе.
Буду я и каменный
Навеселе!

Шуточные эти строки оказались пророческими. Верное слово Рубцова широко прозвенело. И он стал знаменит. В родном селе ему поставили памятник. Но вот только каменный он не выглядит навеселе. Он скорее задумчив, озарен всем тем, что волновало его поэтическое воображение и заставляло писать такие пронзительные стихи.

Август 1963 года. Уютный литинститутский дворик. Тополиный пух облепил все екамейки. В глубине дворика сидят Рубцов и Шкляревский, последний — поэт талантливый и не в меру заносчивый. Равным себе считает разве что Рубцова, и то только когда тот в его компании. Не случайно Станислав Куняев в своих воспоминаниях “Поэзия. Судьба. Россия” приводит такой эпизод. Куняев, будучи на родине Шкляревского в Белоруссии, ходил с ним на рыбалку на лесное озеро. С ними шел деревенский паренек Ленька, верный оруженосец Шкляревского.

Ленька нес на себе все снаряжение поэта, а тот его подбадривал: “Ничего, Ленька, потом будешь гордиться, что нес рюкзак лучшего поэта России!”

Но вернемся в литинститутский дворик. Хочу закурить, а спичек в кармане нет. Подхожу к ним, мирно беседующим. Присаживаюсь, прикуриваю. У Шкляревского на лбу синяк, у Рубцова — на левой щеке яркая ссадина. Беседа идет вяло, и я собираюсь уйти. Рубцов спрашивает, как дела в семинаре у Владимира Соколова, в котором я занимаюсь. Оба они Соколова ценят, ставят высоко и числятся уже в его друзьях. Рассказываю о последнем обсуждении поэта Владимира Мошенко, стихи которого копировались довольно хорошо и он уже успел выступить с большой подборкой в “ЛитРоссии”. Как бы между прочим сообщаю, что мои стихи опубликованы в журнале “Смена”. Игорь Шкляревский пренебрежительно морщится: “Я такого журнала вообще не знаю...” В Москве у него только что вышел сборник стихов “Лодка”, хорошо отрецензированный. Он на коне, он герой среди нас. Я не стал ему возражать, хотя обидел он не меня, а журнал. Рубцов поведал о том, что собирается на осень в родное Никольское на Вологодчину, где ему, возможно, удастся пописать в тишине среди родных лугов и лесов. Там у него дочка Лена, совсем еще крошечка.

Забегая вперед, скажу, что с Леной, уже взрослой девушкой, я познакомился в Ленинградском университете, где проводилась конференция по творчеству ее отца в связи с 50-летием со дня его рождения, на которой я тоже выступил со своими воспоминаниями. Я поведал тогда почтенной публике о своих встречах с поэтом в кругу известных писателей — Василия Белова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Бориса Можая, входящих в силу поэтов Анатолия Передреева, Ивана Харабарова, Николая Анциферова, Ивана Лысцова...

Отделить от этих встреч-бесед образ Николая Рубцова подчас очень нелегко, потому что наиболее полно он проявлялся именно в компании интересных людей, где в лучшие часы своего душевного состояния и сам был интересным собеседником и рассказчиком. Он немногословен, речь его без каких-либо внешних эффектов была строго обдуманной, и слова ложились естественно и ладно, выражая самую суть его мысли. Он умел молчать и хорошо слушать умного собеседника, недостатка в которых, особенно на Высших литературных курсах, не было. Интересны рассказы-воспоминания старших литераторов-фронтовиков Виктора Астафьева и Бориса Можая, Евгения Носова и Ивана Панькина, петрозаводчанина Петра Борискова и вологжанина Сергея Викулова. Но даже и то-

гда на фоне этих уже широко известных имен имя Николая Рубцова не терялось. Несколько подборок стихов в столичных журналах сразу поставили его в ряд лучших современных поэтов. А вскоре его первая книжка “Лирика” (Архангельск) и следом за ней “Звезда полей” (“Советский писатель”) окончательно утвердили эту высокую репутацию.

Январь 1965 года. Я на заочном отделении и приехал в институт досдать некоторые зачеты. Поселился в комнате у Лысцова, с которым тоже вместе поступал в Литинститут, мы сразу же подружились. Дружба эта продолжалась вплоть до трагической гибели Ивана, которая произошла около десяти лет назад. За встречу выпили. Почитали друг другу стихи. Вечером потянул меня к Василию Белову. Он тоже жил один, хотя к этому времени Николай Рубцов, перешедший на заочное отделение, постоянно у него обитал. Из всех эпизодов этого вечера больше всего мне запомнилась ржаная солома в его комнате. Она была разостлана в свободном углу. Зачем, почему? Вероятно, сам Белов или кто-либо из его вологодских друзей привез эту солому с родных полей, чтобы не так остро ощущать тоску по родине. Солома эта пригодилась Рубцову, который, нелегально проникнув в общежитие, спал на ней. Вообще-то к заочникам комендант общежития и дежурные администраторы относились весьма снисходительно. А с Рубцовым у них были свои счеты. Так вот, когда мы с Иваном Лысцовым вошли в комнату Белова, Рубцов сидел в углу на соломе, потом протер глаза и подошел к столу. Увидев пиво, оживился. Выпили пару бутылок. Потекла беседа с пятого на десятое. Чувствовалось, что в Москве он поиздержался. Василия Белова дома, то есть в своей комнате, не было. Он, кажется, появился уже ближе к завершению нашей встречи. Николай без обиняков спросил: “Может, еще? Есть ли?” Уговаривать меня не пришлось. Николай вызвался меня проводить до магазина, чтобы проветриться, потому что он с утра не выходил на улицу. Но провел меня к выходу каким-то другим коридором, чтобы не встречаться с вахтером. Вышли на мороз. И тут он мне выдал экспромт (может быть, сочиненный ранее). По понятным причинам он нигде не публиковался, и потому рискну привести его, пропустив лишь одно короткое слово:

Из общежития вышел я.
 Был на дворе мороз трескучий.
 В кармане было три рубля...

Однако цитировать дальше в силу врожденной стеснительности не решаюсь...

Не помню, как и чем кончилась эта импровизированная вечеринка, но наутро проснулся я поздно. Зачет был назначен на послеобеденный час, и спешить было некуда. В этот день я сдавал белорусскую литературу добрейшему профессору Власенко, да и на свои знания предмета тоже надеялся, потому что готовился к этой поездке основательно. Мои друзья ушли на занятия. Проснулся в полной тишине и в одиночестве. Уже около обеда появился Василий Белов и пригласил меня на обед в соседнюю столовую. Выпили с ним по кружке пива, похлебали горячих шей по-крестьянски, и на душе немного полегало.

Вечером в комнату Лысцова заглянул Николай Рубцов. Хозяина не было, и мы довольно мирно и по-приятельски стали беседовать. Я готовился к дипломной работе и прочел из нее Рубцову несколько стихотворений. Дипломная работа, несостоявшаяся рукопись моей второй книжки, тематически продолжала мою первую "Полеет" с преобразованием заводских тем. Я за год или два до этого ушел с завода, где много лет работал токарем, и темы эти еще продолжали жить во мне и волновать. Рубцов слушал внимательно. Особого одобрения не высказал, лишь похвалил несколько образов и удачных рифм. Говорил о том, что, поскольку я родом из деревни и там провел детство и юность, значит писать нужно об истоках, тогда и придет настоящий успех; что надо дать своей душе простор, чтобы она расправилась и приняла на себя боль и радость своей земли.

Он, конечно, знал о чем говорил. Этой радостью и болью пропитаны его стихи, отличающаяся удивительной гармонией и органичностью поэтического слова и образа. Иными словами, Рубцов призывал писать о самом сокровенном. Спорить было не о чем. Говорить так он имел полное право, потому что сам прошел через все: детдомовское детство, что и у меня, та же работа на Балтийском заводе в Питере и та же служба — у него на флоте, у меня в десантных войсках. Внутренний процесс моего созревания Рубцов своими замечаниями и раздумьями подтолкнул и ускорил, хотя и был моложе меня на четыре года.

Сдав зачеты, через три дня я засобирался домой. Перед моим отъездом мы сидели в комнате Ивана Лысцова. Позже заглянул Рубцов, был он уже изрядно навеселе. Выпили еще по рюмке, впрочем, по полстакана — какие уж там в общежитии рюмки. Рубцов неожиданно прочел две строки: "Я ослеп, хотя в порядке зренья. Я оглох, хотя в порядке слух". И стал меня пытаться, кто из петрозаводских поэтов их написал. По его словам, не так давно он ехал в одном вагоне с каким-то парнем из Петрозаводска, и тот среди многих других строк прочел ему и эти, особенно запомнившиеся. Фамилию он забыл. Я назвал две-три фамилии своих собратьев, способных на такую отчаянность мысли, но Рубцов категорически отверг их.

— Скорее всего, какой-нибудь графоман. Нередко такие строки вырываются случайно, а может, он читал и не свои.

Такое предположение обидело уже изрядно подвыпившего Николая, и он напустился на меня:

— Это вот такие, как ты, — словно обидели его самого, — зажимаете настоящие таланты и не даете им дорогу.

Видимо, Рубцову в тот вечер нужно было на ком-то сорвать свое неважное настроение, и вот случай подвернулся. К тому же и я в ответ тоже, не сдержавшись, сказал несколько резких слов. Не знаю, чем бы завершилась эта внезапная перепалка, не вмешайся Иван Лысцов, который быстро нас примирил. Он был человеком ровного, мягкого характера с есенинской шевелюрой овсяных волос и тихим певучим голосом южной России. Таким образом, расстались мы с Рубцовым вполне мирно. И, к сожалению, это была наша последняя встреча. Только наши имена, к счастью, еще при жизни Рубцова, встретились рядом в докладе Сергея Орлова, сделанном им как секретарем Союза писателей России на выездном пленуме в городе Архангельске в 1969 году. Сам я в ту пору еще членом Союза писателей не был и в числе приглашенных на пленум по этой причине не оказался. О выступлении Сергея Орлова и добрых весомых словах, сказанных и в мой адрес, я узнал из рассказов наших карельских писателей, побывавших там. А полностью доклад Сергея Орлова я смог прочесть лишь в его трехтомнике, вышедшем в 1980 году в издательстве "Художественная литература". И вот что, в частности, сказано в этом докладе: "Николай Рубцов, не увлекаясь красками яркого повествования, с естественной простотой раскрывает самое главное в жизни — непреходящую сущность человеческого характера..." И чуть позже: "Подобное можно сказать и о героях стихов Ивана Костина из Петрозаводска. Он идет по своему краю без особых претензий к жизни, но это только лукавинка, украшающая его, а цену он себе знает".

Понимая свое скромное место в литературе и поэзии, я благодарен поэту-фронтовику старшего поколения, который естественным для него образом свел наши имена (впрочем, и других моих сверстников) как людей одного поколения и одной судьбы.

В Архангельске на пленуме с Николаем Рубцовым произошел неприятный казус, который во всех краточных подробностях преподнесли мне мои коллеги. В день заезда многие писатели за встречу выпили. Тем, что выпили, удивить кого-либо было трудно. Удивило многих другое, когда утром на первое же заседание Николай Рубцов явился в "хорошем" настроении. Это не ускользнуло от бдительного ока инструктора ЦК КПСС из отдела культуры Светланы

Жильцовой. На ее замечание, что пьяным не место в зале, Николай пытался ей внушить, что он не пьян, лишь слегка опохмелился. Жильцова настаивала. Николай назвал ее во всеуслышание “бенкендорфом в юбке”. Жильцова обратилась к Михалкову с просьбой об удалении Рубцова из зала заседаний, а Орлову хотела внушить мысль о том, что в докладе не место фамилии литературного хулигана. Орлов этому воспротивился, потому что Рубцов в докладе о поэзии занимал одно из центральных мест. Был найден компромисс. Рубцов, после того как протрезвеет, при всех принесет Жильцовой извинения. Николай долго не соглашался идти на такой шаг, но Сергей Викулов, Сергей Орлов и другие старшие товарищи, к которым он относился с уважением, убедили его, что сделать это необходимо. Коля, пересилив себя, пожертвовал своим самолюбием, и таким образом инцидент был исчерпан.

Неожиданно всплывает вот какое воспоминание. Июнь 1964 года. За окном аудитории яркая зелень. Сквозь толстые стены герценовского особняка проникают приглушенные звуки Тверского бульвара. Владимир Соколов расхаживает по аудитории и с иронической улыбкой цитирует стихи Виктора Урина. Видно, не впервые и не только в стенах института. Вспомнилась пародия (не помню автора) на Евгения Винокурова:

Я грозен. Я талантливо нахмурен.
Я собиратель дефицитных слов.
Я — это я! А Урин — это Урин,
Как говорит Владимир Соколов.

Затем неожиданно от стихов Урина переходит к Рубцову и начинает разбирать его стихотворение “Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны”. Цитируя строки “Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!”, он обратил внимание на противоречие: по его тогдашним понятиям нужно было или все отрицать, или все принимать... Словом, что-то в этом роде. Поэтический максимализм того времени не был чужд даже такому тонкому лирику, как Владимир Соколов. И все же провидчески заметил, что стихи Рубцова вскоре будут читать в самых отдаленных уголках России. Чего греха таить, многим из нас казалось, что эти оценки преувеличены. Многим в институте прочили громкую славу поэтов или прозаиков, но классиков из них не получилось, за исключением, может быть, Василия Белова и Ольги Фокиной.

После окончания института группа вологодских писателей, к которой примкнул и сибиряк Виктор Астафьев, уехала в Вологду, создав там одну из самых сильных региональных писательских организаций. Поскольку Николай Рубцов доучивался заочно, то он естественным образом уже на месте соединился с этой славной плеядой и еще больше укрепил ее своим именем и творчеством. Но, несмотря на признание, на выходящие книжки и журнальные публикации, жизнь его на родной земле была не из легких. Но это уже иная тема, и об этом его друзья рассказали немало. Особенно мне запомнились пронзительные по своей правдивости и любви к Николаю Рубцову воспоминания Виктора Астафьева, опубликованные в журнале “Новый мир” в начале 2000 года.

Я из Петрозаводска наблюдал за публикациями Николая Рубцова. Был рад, что время от времени он присылал стихи и в наш журнал “Север”. Его однокуртник по институту петрозаводский поэт Юрий Линник в одном из номеров “Севера” за 1968 год выступил с прозорливой рецензией на сборник Николая Рубцова “Зеленые цветы”. Его имя не сходило со страниц литературных журналов в поэтических обзорах и критических статьях о современной поэзии. Все обещало большой взлет творческих озарений Николая Рубцова, а написанное им воспринималось талантливым прологом к настоящим вершинам русской поэзии, покорить которые удастся лишь самым избранным. Безусловно, он к ним принадлежал. И все же путь этот до конца пройти не смог...

21 января 1971 года я позвонил Владимиру Соколову на его квартиру, спросил, как дела у московских поэтов. Ответил он уныло и лаконично: “Да уж получше, чем в Вологде”.

— А что там, в Вологде? — невольно спросил я.

— Трагически погиб Рубцов. — И положил трубку.

Сборники Николая Рубцова сегодня стоят на моей книжной полке рядом с его любимыми поэтами Ф.Тютчевым, Е.Баратынским, С.Есениным, Н.Заболоцким, Д.Кедриным... Замечательный ряд. Душе русского человека он говорит о многом. Еще в 60-е годы Николай Рубцов написал такие тревожащие душу строки: “Россия, Русь! Храни себя, храни!” Но всегда ли и везде слышит она сегодня завет своего поэта?!